

СВАДЪБА В ЧЕРТОЛЕСЬЕ

ПОЛИНА ЛУГОВЦОВА

Полина Луговцова

Свадьба в Чертолесье

<https://litres.ru/73862101>

SelfPub; 2026

Аннотация

Успешный бизнесмен Иван Соболев, привыкший все решать за всех, подыскал для своей сестры Алисы подходящего, на его взгляд, жениха, но свадьба срывается: сестра сбегает с таинственным горбуном, которого все видели, но никто не знает. Следы ведут сквозь глухой лес и непроходимые болота к общине язычников, где Иван знакомится с местной девушкой Заряной и узнает от нее новые подробности о судьбе своего деда-этнографа, погибшего много лет назад при загадочных обстоятельствах. Вскоре Заряна исчезает. Жители общины уверены: ее забрали бесы, которыми кишат окрестные леса. Сможет ли Иван спасти Заряну, найти сбежавшую сестру и раскрыть тайну древнего ритуала, следы которого хранит жуткое капище, скрытое в лесной чаще?

История о любви, которой сам черт не страшен, и о правде, всплывшей из темных глубин Чертолесья и разрушившей великую ложь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Мирон	10
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Полина Луговцова

Свадьба в Чертолесье

Пролог

*Угас закат, умолкли птицы,
Уснул, как вымер, темный лес,
Но есть здесь тот, кому не спится —
Во тьме крадется злобный бес.*

*Спасенья нет! Как быть, не знаю!
Мой белый свадебный наряд,
Луну сияньем затмевая,
Притягивает хищный взгляд.*

*Быть может, мертвой притвориться?
Застыть, молчать и не дышать?
Фатой, как саваном, прикрыться?
Ведь мне от беса не сбежать!*

Ночной лес всегда казался ей самым страшным местом на свете. Такой родной и прекрасный днем, после захода солнца он стремительно менялся: мрачнел, напитываясь тьмой, начинал источать дурные запахи, наполнялся странными пуга-

ющими звуками и злобными существами. Все светлое и доброе, что было в нем, растворялось во тьме, угасало, пряталось, замирало, и люди в деревне, стоявшей посреди леса, прятались, запираясь в своих старых, но крепких избах. В избе было хорошо: тихо, тепло и почти не страшно. Но стоило бросить взгляд в окошко, за которым сгущались лесные дебри, и сразу становилось зябко, да так, что кожа на всем теле делалась шершавой, как гриб-дождевик, даже если печь была жарко истоплена.

И вот теперь она стоит посреди леса одна, закат почти отгорел, и последний луч солнца, тоньше, чем спицы в колесе бабушкиной прялки, скользит по макушкам сосен, убегая прочь, а от земли уже поднимается густая мутная мгла, пахнущая болотной тиной. Лес смыкается вокруг черной стеной, потесненный частоколом из толстых заостренных бревен, вкопанных в землю. Бревна невысокие, через них легко перелезть, и калитка в частоколе приоткрыта — путь наружу свободен. Да только что там, снаружи? В деревню возвращаться нельзя, бежать некуда. Не лучше ли прикрыть калитку поплотнее, подпереть чем-нибудь да затаиться здесь до рассвета? Капище — место священное, авось и убережет ее от лесной нечисти, а утро вечера мудренее: взойдет солнышко, и придут в голову нужные мысли, которые подскажут ей, куда путь держать, где искать помощи. Ведь должны быть на свете добрые люди! Главное — дотянуть до утра, но до него еще ох как далеко.

Она огляделась, ища, чем бы подпереть калитку, и ее взгляд остановился на очаге, выложенном из крупных камней, внутри которого еще дымились тлеющие угли. Значит, с того момента, как она очутилась здесь, прошло не так уж много времени. Односельчане, чьих лиц она не видела, принесли ее сюда связанную, с мешком на голове, бросили на алатырский камень перед столбами-идолами, и она потеряла сознание, уверенная в том, что жить ей осталось несколько коротких минут. Очнувшись, она несказанно удивилась тому, что все еще жива, да к тому же путы на ее лодыжках и запястьях оказались разрезаны. Чудеса, да и только! Правда, на шее сочился кровью глубокий порез — значит, убить ее все же пытались. Вероятно, что-то помешало жрецам завершить начатое, но что это могло быть, она даже предположить не могла.

Почему ее вдруг решили принести в жертву, тоже было для нее загадкой. Обычно на алатырский камень возливали молоко и мед, клали хлеб, а изредка — сырое мясо, но она никогда не видела, чтобы на нем убивали людей. Может быть, она в чем-то провинилась? И тотчас в ее голове вспыхнула догадка: «Платье!» Неужели все это приключилось с ней из-за того, что она украла чужое свадебное платье, которое было сейчас на ней надето? Но ведь потом, когда поднялся шум и кинулись искать вора, она вернула украденное владелице, а та сказала, что это платье ей больше не нужно и она может оставить его себе. Свадебное платье стало по-

дарком — самым прекрасным подарком в ее жизни. Тогда оно казалось ей настоящим сокровищем, и она могла подолгу любоваться им, но сейчас горько сожалела о том, что позарилась на него.

Проклятое платье, белоснежное, расшитое серебристыми нитями и сверкающими бусинами, сияло во тьме ярче звезд! Невесомая фата, прозрачная, как утренний туман, колыхалась перед ее лицом, и в ней, как в паутине, запутались мелкие ночные мотыльки, привлеченные этой неестественной, чуждой для леса, искрящейся белизной. Платье горело в ночи, как маяк, и могло привлечь кого-нибудь еще.

Внезапно она услышала шорох. Ветер? Нет, ветра не было и в помине: кроны сосен, смыкавшиеся над капищем, стояли неподвижно.

Шорох повторился, уже ближе — где-то совсем близко, прямо за оградой капища. Там кто-то был. Она прислушалась, всматриваясь в темноту, и ей почудилось, что в зазорах между бревнами что-то движется — медленно, как крадущийся зверь. А потом она увидела тени, ползущие к ней по земле, и обомлела от страха: они напоминали силуэты рогатых человекообразных существ, двигавшихся по-обезьяньи, на четырех конечностях. Их было много, и они то исчезали, то вновь появлялись из-за пробежавших по луне облаков. Судя по расположению теней, сами существа подкрадывались к ней сзади и находились *внутри капища*.

«Бесы!» — полыхнула в ее голове ужасающая догадка, и

вслед за ней пришло осознание того, что священные идолы, окружавшие алатырский камень, не спасли ее, не отпугнули рогатых визитеров. А ведь она так надеялась на этих идолов, на их древнюю силу, способную защитить от всякой нечисти!

Она обернулась.

Стая рогатых, подбиравшаяся к ней, застыла на месте, прижавшись к земле. Гибкие тощие тела, длинные руки, черные лица, сливающиеся с тьмой, — все это замерло, словно обратилось в камень, лишь глаза, горевшие хищным желтым огнем, голодные и очень злые, впились в нее острыми клинками. Спустя мгновение одна из тварей поднялась на задние лапы, принялась поводить носом, и что-то прорычала своим сородичам. Крепкие желтые рога с зазубринами, похожие на козлиные, тускло блеснули в лунном свете. Стая шумно втянула воздух, и в тишине разнесся свистящий звук, точно где-то заработали кузнечные мехи. А потом все они разом шагнули к ней. Один шаг, второй, третий... Они двигались неспешно и, казалось, не шли, а плыли над землей. Глаза и горели все ярче, все ближе и неотвратимее.

Она хотела броситься прочь, но ноги ее не слушались. Хотела закричать, но из горла вырвался лишь жалкий всхлип. Подумала, что пора молиться богам, но на ум пришло только одно имя, человеческое, — имя того, кто не мог услышать ее отсюда и бессилен был ей помочь.

Они набросились на нее черной тучей, облепили со всех сторон, скрывая белизну ее платья. Десятки рук, цепких, хо-

лодных, с длинными пальцами и острыми ногтями, схватили ее, вцепились в волосы, в фату, в тонкое кружево, расшитое серебристыми нитями и блестящими бусинами, и платье затрещало, как паутина, рвущаяся под тяжестью попавшего в нее крупного насекомого.

На нее пахнуло какой-то мерзостью, чем-то болотным, смешанным с запахом паленой шерсти. Тошнота подкатила к горлу, а сознание, не выдержав этого ужаса, свернулось, как увядающий лист, и погасло.

Стая рогатых покинула капище, унося ее с собой в ночной лес. Стало так тихо, словно все живое на свете умерло, и мир замер в ожидании, когда кто-то родится снова, чтобы начать все сначала.

Глава 1. Мирон

— Какая же ты счастливая! — раздался над головой Алисы восторженный возглас подруги, которая битый час колдовала над ее непослушными кудряшками длиной ниже лопаток, пытаясь соорудить из них так называемую голливудскую волну — классическую свадебную прическу, состоящую из крупных мягких волн, падающих на одну сторону за счет ко-сого пробора.

Алиса уже сто раз пожалела, что не вызвала профессионального стилиста. Разумеется, дело было не в деньгах: брат Алисы, Иван, который взял на себя все свадебные расходы, мог бы оплатить самого дорого стилиста, стоило Алисе изъ-явить такое желание.

Но она не изъявила.

Ее не заботила ни собственная внешность, ни эта свадьба: какая разница, как выглядеть, если сидишь в инвалидном кресле? Никто не обратит внимания ни на платье, ни тем более на прическу — увидят коляску и поспешат отвести взгляд. Так было всегда, и едва ли свадебное торжество станет исключением. Из-за коляски взгляды на Алисе никогда не задерживались. Так зачем наряжаться и расфуфыривать-ся? Пустая трата времени!

Однако Лера продолжала колдовать, и Алисе давно наску-чила эта возня. Профессиональный стилист наверняка спра-

вился бы намного быстрее.

— Счастливая? — горько усмехнулась Алиса, разглядывая свое отражение в зеркале. Оттуда на нее смотрела незнакомка: белое атласное платье с кружевным лифом, фата, струящаяся по спинке кресла, яркий макияж, превративший ее в куклу: длинные ресницы стали еще длиннее и приобрели изящный изгиб, глаза теперь казались чуть ли не вдвое больше и словно остекленели, а пухлые губы налились искусственным, безжизненным блеском и выглядели так, словно были накачаны силиконом. Все это Алисе не нравилось, и, не будь она инвалидом, ни за что не допустила бы подобной вакханалии, однако в ее положении проще было промолчать: какой смысл улучшать свою внешность, если ты уже себе не принадлежишь?

С прической дело обстояло гораздо лучше: строптивые космы наконец-то были укрощены и уложены в толстую гладкую косу, обрамлявшую голову тугим золотистым венцом. Судя по всему, «голливудская волна» Лере все же не удалась.

— Коса даже лучше: не растреплется! — заявила в свое оправдание подруга, заметив, что Алиса придирчиво разглядывает результат ее труда. — С этой прической ты прямо как сказочная принцесса! Родион будет сражен наповал! — добавила она с лукавой улыбкой.

Алиса скептически фыркнула:

— Родион?! Обычно он смотрит на меня примерно с тем же выражением, с каким изучает свои квартальные отчеты:

оценивающе, прикидывая выгоду. Вот уж кому абсолютно безразлично, с «волной» я буду или с косой! Он женится не на мне, а на сестре своего босса — лишь ради карьеры!

Родион Горский, финансовый директор в компании брата, был старше ее на двадцать три года, носил дорогие часы и благоухал дорогим парфюмом, от которого у Алисы першило в горле. Иван, ее брат, всегда отзывался о нем с уважением: «Толковый специалист, педант и перфекционист в самом лучшем смысле этого слова, а главное, предан мне до мозга костей». Однако Алиса считала, что Родион предан не Ивану, а его деньгам.

— Ну зачем ты так? — Лера затеребила край своего форменного фартука, словно не знала, куда пристроить руки, оставшиеся без дела. — Если Родион работает в фирме Ивана, это еще не повод обвинять его в корысти.

— Разве я его обвиняю? Думаю, что у него нет выбора, точно так же, как и у меня: с Иваном спорить бесполезно. Наверняка мой братец, который привык все решать за всех, подкинул Родиону идею жениться на мне, а тот просто не смог сказать «нет».

Лицо Леры угрюмо вытянулось, а глаза наполнились невыразимой грустью, отчего она стала чем-то похожа на собаку породы бассет-хаунд.

— Ну допустим, ты права и Родион не осмелился отказать Ивану. А тебе-то что мешает сказать «нет»? — с вызовом спросила она и воинственно подбоченилась. В ее голосе от-

четливо прозвучал упрек.

— А зачем? — Алиса демонстративно зевнула, показывая, что этот разговор ей наскучил. — Какая мне разница, кому быть обузой — брату или Родиону? Будь моя воля, я предпочла бы свадебному платью саван и сбежала бы отсюда на тот свет. Все равно это не жизнь, хоть замужем, хоть не замужем. Жаль, что в тот день, когда я грохнулась с лестницы, мой позвоночник сломался в поясничном отделе, а не в шейном — тогда бы я, скорее всего, не выжила.

— Бедная моя Алиса! — Лера склонилась над ней, обнимая ее за плечи и прижимаясь щекой к ее щеке. — Понимаю, как тебе тяжело, но все же надо верить в лучшее. Я уверена, что скоро медицина шагнет вперед и будет найден способ поставить тебя на ноги.

Алиса терпеть не могла, когда ее жалели: от этого накачивали слезы, и не всегда ей удавалось их сдерживать. Вот и сейчас, чтобы не разреветься, она закусил губу и, отвернувшись к окну, попыталась подумать о чем-нибудь другом, приятном или забавном. Такие воспоминания остались в далеком прошлом, по ту сторону черты, разделившей ее жизнь на «до» и «после». И они уже успели потускнеть: пять лет прошло с тех пор, как нелепая случайность привела к трагедии, одним махом перечеркнувшей все ее планы и обесценившей достижения.

Алиса всего лишь оступилась на лестнице.

Такое часто с ней случалось, она и на ровном месте, бы-

вало, падала, потому что вечно спешила и не смотрела под ноги, но обычно все обходилось ссадинами и разбитыми коленками, даже переломов не было. Она и представить себе не могла, что простое падение с лестницы может в одночасье приковать ее к инвалидному креслу.

Почувствовав, как по щеке сползает предательская слезинка, Алиса украдкой смахнула ее и усилием воли направила свои мысли дальше в прошлое, прочь от трагической черты.

За окном блестела река, огибавшая территорию загородного клуба. На ее берегу Алиса провела немало счастливых дней, загорая, купаясь и бегая по рыхлому золотому песку наперегонки с ветром. Тогда ей казалось, что стоит еще чуть-чуть поднажать, и она вспорхнет ввысь, как чайки, вспугнутые ее приближением. Тогда она могла нырять на глубину и всерьез пыталась допрыгнуть до неба. Тогда все было иначе.

И в этом «тогда» был Мирон.

***

Август, пять лет назад

Солнце стояло высоко, и река под ним, словно загустевшая от жары, казалась расплавленным оловом — блестящая, тяжелая, тягучая.

Тринадцатилетняя Алиса сидела на теплом песке, обхватив колени руками, и смотрела на стрекоз, носившихся над водой. Их слюдяные крылья искрились и переливались на

солнце, точно крылышки сказочных фей, но стоило стрекозам залететь в тень, и волшебство исчезало. Эти метаморфозы навели Алису на мысль о том, что солнечный свет несет в себе магию, ведь не только стрекозы, но и весь мир удивительным образом преобразуется в его сиянии.

Позади, над береговым склоном, высились остроконечные крыши домов загородного клуба, где Алиса остановилась вместе с родителями и братом. Отец планировал здесь встречу с важными людьми, а маме внезапно захотелось отдохнуть от городской суеты, и они поехали за город всей семьей, что случалось не так уж часто.

Раньше этот клуб был обычной турбазой с маленькими бревенчатыми избами, а пару лет назад вместо них построили диковинные сооружения с двускатными крышами, которые начинались от линии фундамента. По форме эти дома напоминали букву «А», за что их называли «А-frame», или «дома-шалаша». У них не было стен; пространство между скатами крыш сплошь занимали окна и стеклянные двери, впуская внутрь много света. Выглядела эта конструкция довольно красиво, но казалась слишком уж хрупкой. В таком доме Алиса чувствовала себя неуютно: казалось, стоит по сильнее хлопнуть дверью, и все стекла разлетятся вдребезги. Да и внутри хватало хрупких вещей, — чего только стоил обеденный стол с огромной стеклянной столешницей, не говоря уже о многочисленных зеркалах, статуэтках, вазочках, которые обнаруживались в самых неожиданных местах: за-

частую Алиса замечала их лишь тогда, когда они падали и разбивались, снесенные ее неосторожным движением.

Мама хваталась за голову и просила Алису быть аккуратнее, а брат посмеивался над ней, обзывая то слонихой в посудной лавке, то слепой курицей. Недавно ему исполнилось двадцать, и он готовился вскоре занять место в команде отца, владевшего строительным холдингом: учился разбираться в сметах и архитектурных проектах, осваивал тонкости ведения переговоров с подрядными организациями и заказчиками — в общем, всячески вникал в производственный процесс. Подражая отцу, он сделался важным и серьезным, но иногда вдруг начинал дурачиться, как мальчишка, словно протестуя против того, что его детство безвозвратно ушло. Алисе нравилось видеть его таким бесшабашным, и она не злилась на него, когда он начинал ее поддразнивать за неуклюжесть. А вот дом в стиле A-frame, преподнесивший ей неприятные сюрпризы в виде хрупких штуквин, злил ее не на шутку, поэтому она старалась подольше находиться снаружи, предпочитая наслаждаться прибрежными просторами, где ничего нельзя было разбить или сломать.

Правда, ее огорчало, что родители не позволяли ей купаться в одиночку и уходить далеко. Разве можно удержаться от соблазна нарушить запрет, когда от реки веет приятной прохладой, а бесконечный песчаный берег так и манит пробежаться вдоль кромки воды? Еще и стрекоза замельтешила прямо перед лицом, словно дразня и зазывая погнаться за

ней, — слюдяное крылышко, синий хвостик... Совершенная и нереальная, как сказочная фея.

И Алиса погналась.

Сначала за стрекозой — та вела ее вдоль берега, а потом — наперегонки с собственным отражением, скользившим по зеркальной речной глади: девочка в воде, парящая, призрачная, манила ее бежать все быстрее и быстрее, чтобы догнать, поймать и слиться с собой — не получалось, конечно, и никогда не получится.

Как обычно, под ноги Алиса не смотрела, и ее забег закончился, едва начавшись, когда на пути ей попалась коряга, выброшенная рекой: темная, скользкая, с пучком растопыренных корней, похожая на мертвую руку, внезапно ухватившую ее за лодыжку.

Алиса споткнулась и проехала лицом вниз по рыхлому песку, оставляя за собой след, глубокий, как борозда на вспаханном поле. Рот наполнился скрипучей горечью, в носу защипало, колени вспыхнули, содранные о ракушки. На одно долгое мгновение она замерла, прислушиваясь к себе: больно, но терпимо, а главное — берег пуст и ее позора никто не видел. Едва она с облегчением подумала об этом, как где-то неподалеку раздался смех.

Звонкий, как колокольчик, он прокатился над водой, отразился от противоположного берега, вернулся и ударил прямо в спину, в затылок, в самое ухо.

Приподнявшись на локтях, Алиса завертела головой и

увидела тощего ушастого мальчугана на редкость диковатого вида. В первое мгновение он показался ей даже не человеком, а кем-то вроде древнего печального существа, похожего на Горлума из «Властелина колец» и подобную ему человекообразную нечисть.

Наполовину скрытый ивовыми ветвями, он сидел на большом, обточенном водой бревне, темном, гладком, похожем на уснувшего сома, а рядом, ближе к воде, на распорках из прутьев покоились удочки, издали напоминавшие усы гигантского насекомого. Алиса потрясенно уставилась на мальчишку, пытаясь понять, почему он кажется ей таким странным. Что-то в его облике, в том, как он держался, было не так, как у других. Длинный, угловатый, он выглядел съежившимся, словно пытался стать меньше и незаметнее для окружающего мира, подобно тому, как ночной мотылек притворяется сухим листиком, чтобы его не склевала ранняя птичка. Солнечные лучи робко скользили по его фигуре, будто пытаясь избежать прикосновения к нему. А потом Алиса увидела его тень, лежавшую на песке рядом с бревном, и похолодела.

Спина мальчишки неестественно выпирала: под ткань рубашки вздымался горб, округлый, точно одинокий холм в поле, отшлифованный ветрами со всех сторон. Тень повторяла этот изгиб с жестокой точностью, уродливая, карикатурная, жуткая, как проклятие, от которого не спастись.

Алиса замерла. Она никогда раньше не видела горбатых

людей, только в старых сказках, где горбуны были или злыми колдунами, или несчастными изгоями, и в фильме про Квазимодо, который ей удалось посмотреть украдкой, когда родители думали, что она спит. Ей не нравились эти сказки и этот фильм, горбуны пугали ее, казались слишком страшными и одновременно жалкими, от них хотелось отвести взгляд и забыть, что они существуют. Но сейчас отвести взгляд не получалось. Ее сердце отчаянно забилося, как птица в силках — то ли от страха, то ли от волнения, а может, еще от чего-то, чему она не знала названия. Она подняла глаза на мальчишку. Их взгляды встретились.

И мир остановился.

У него были удивительные глаза. Светлые, почти прозрачные, с зеленоватыми крапинками, разбегавшимися по радужке, точно ряска по тихой заводи, они смотрели на нее без той затравленной настороженности, которую Алиса ожидала увидеть, и в них открывался простор, огромный, тихий, бескрайний, как лес за рекой, как небо над лесом, как место, которое называется в сказках «за тридевять земель», куда Алиса в детстве так отчаянно мечтала попасть.

Мальчишка с любопытством тараторил на нее, и его насмешливая улыбка медленно таяла под ее сердитым взглядом.

— Что смешного?! — буркнула она, поднимаясь на ноги и стряхивая с локтей и колен прилипшие песчинки. — Чего уставился?!

Мальчишка не спешил отворачиваться, еще и лукаво прищурился. Его лицо купалось в солнечном свете, а в глазах плясали золотые искры — солнечные зайчики, запутавшиеся в зеленой ряске.

— Я не над тобой смеялся, — невозмутимо сказал он. Голос у него оказался низкий, чуть сиплый, с хрипотцой.

— А над кем же? — Алиса на всякий случай обернулась, хотя и так знала, что вокруг никого нет.

— Над... над чайкой! — нашелся он после некоторой заминки — судя по всему, врал на ходу.

— Чем же тебя рассмешила чайка? — Алиса скривилась в скептической усмешке.

— Она летела прямо над тобой и собиралась приземлиться на камень, но промахнулась и шлепнулась.

Он улыбнулся — на этот раз не насмешливо, а по-доброму, и Алиса почувствовала, что улыбается в ответ.

— Чайка? Шлепнулась? — беззлобно фыркнула она, а потом прыснула и засмеялась.

История с чайкой показалась ей такой дурацкой и нелепой, что обида растворилась сама собой, утекла в песок, как вода.

— А что, по-твоему, чайка не может шлепнуться? — искренне удивился он.

— Складно врать ты не умеешь! — заявила Алиса.

— Но я правду сказал! Я смеялся над чайкой!

— Сам ты — чайка! — усмехнулась она, приближаясь к

нему.

Его взгляд скользнул по ее ногам, и в нем отразилось сочувствие.

— Ого, да ты коленки раскровила!

Алиса посмотрела на свои колени. Кожа содрана, длинные царапины покрыты бисером кровавых капель, смешанных с песком.

— Ерунда, не смертельно! — отмахнулась она и уселась рядом с ним на бревно, достаточно длинное для того, чтобы можно было сидеть, не касаясь друг друга. Жар нагретого солнцем дерева обжег кожу сквозь тонкую ткань купальника, заставляя ее вспомнить об одежде, оставленной на берегу под камнем. Внезапно ей стало неловко находиться в полуголом виде в обществе незнакомого мальчишки, но она успокоила себя тем, что здесь, как-никак, пляж, а значит, в ее облике нет ничего неприличного. И все же она отодвинулась подальше, на самый край бревна, — теперь между ними было не меньше метра.

— Что, испугалась? — вдруг спросил он упавшим голосом, отводя в сторону потухший взгляд.

— Чего? — удивилась она.

— Меня. — Он кивнул на свою спину, намекая на горб. — Обычно все, как заметят, пугаются. Вижу по глазам.

— Ничего я не испугалась! — поспешно выпалила Алиса и покраснела, чувствуя, что ее ответ прозвучал фальшиво. Ведь на самом деле вид горба ее шокировал, но случилось

это не сейчас, и шок уже успел пройти. — Подумаешь, горбатый! Ты ведь не водяной и не леший, чтобы тебя пугаться!

Он повернулся к ней с воодушевленным видом, и в его глазах вновь вспыхнули смешинки.

— Откуда тебе знать, что я не водяной? Мы ведь у реки сидим!

— Ну-у нет, водяной старый, лысый, пузатый, с тиной вместо волос, — возразила Алиса. — Твой горб — не такой уж большой недостаток по сравнению с пузом!

Они разом покатались со смеху. Их смех разносился далеко над рекой, и в нем уже не было ни обиды, ни злости, только радость, чистая, детская, от того, что солнце светит, река блестит и жизнь может быть вот такой, как сейчас — простой и удивительной одновременно.

— Тебя как зовут-то? — спросила Алиса, вдоволь насмеявшись.

— Мирон.

— Хорошее имя, редкое. Старинное, наверное. — Она заправила за ухо непослушную прядь волос и протянула ему руку. — А я Алиса, будем знакомы.

Он с таким восхищением посмотрел на ее ладонь, исцарапанную, всю в песке, словно увидел бесценное сокровище, а затем ответил осторожным рукопожатием. У него были длинные пальцы с розовыми и неожиданно чистыми ногтями. От его прикосновения у Алисы перехватило дыхание.

Они замолчали, глядя на воду, на удочки, на солнце, мед-

ленно ползущее по небу. До конца дня времени было много.

В тот момент они еще не догадывались, что эта случайная встреча изменит все.

***

В дверь постучали. Алиса вздрогнула, выныривая из прошлого, как из бездонного омута, с таким ощущением, что она тонула и ее вытащили в последний момент.

— Можно к вам?

В комнату вошел Иван. Выглядел он, как всегда, безупречно и роскошно: дорогой костюм с иголки, строгая прическа, элегантные туфли. В глазах — усталость и напряжение, словно он собирался закрыть сделку на миллиард, а не праздновать свадьбу родной сестры. Впрочем, для него эта свадьба, возможно, и была сделкой: ведь он наверняка что-то пообещал Родиону, а может, даже заплатил, лишь бы пристроить сестру-калеку.

Он остановился на пороге, и в его взгляде мелькнуло восхищение.

— Кто же эта красотка? Не узнаю... Погодите-ка... Неужели моя маленькая сестренка-сорвиголова?

— Бывшая сорвиголова, — поправила его Алиса.

— Да, теперь ты настоящая принцесса, — согласился он, делая вид, будто не понял, что она намекает на свои ограниченные возможности, хотя всегда понимал ее с полуслова, как и многих других людей. Иногда Алисе казалось, что

Иван способен читать мысли.

— Лера — отличный стилист! — сказала она, и подруга смущенно заулыбалась, стреляя глазами в сторону Ивана.

— Замечательная работа! — похвалил он, кивая Лере, словно только что ее заметил, а затем деловито осведомился. — Так вы закончили? Работники загса уже подъехали, пора начинать.

— Осталась пара штрихов: диадему приколоть и надеть украшения. Через пять минут ты сможешь забрать ее, — елевым голосом прошептала Лера.

Алиса поморщилась. Ей не понравилось, что подруга говорила о ней, как о вещи. «Забрать ее» — как же это ужасно звучит!

— Вообще-то я не чемодан, — буркнула она, но Лера ее не услышала, потому что целиком сосредоточилась на Иване, продолжая что-то ему говорить. Подруга не оставляла попыток обольстить его, но Иван держался с ней нарочито холодно, не давая ей ни малейшей надежды.

Алиса снова отвернулась к окну. Там, на берегу, у самой воды, виднелась фигура. Расстояние не позволяло ее разглядеть, видно было лишь то, что это мужчина — высокий, худой и как будто съезжившийся, словно ему хотелось занять как можно меньше места в этом мире. Внезапно что-то в его очертаниях показалось Алисе до боли знакомым. В ее голове заметались обрывки мыслей: «Неужели?.. Нет, не может быть! Ведь с тех пор прошло столько лет! И он бы не осме-

лился, ведь Иван запретил ему здесь появляться».

Человек на берегу повернулся боком, и сомнений у нее не осталось.

Мирон.

Это мог быть только он.

Она подалась вперед, вцепившись в подлокотник кресла. Сердце сорвалось с места и провалилось куда-то. В голове зашумело от воспоминаний, обрушившихся на нее

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.